

СОЦИОЭКОНОМИКА

Автор: Ф. М. БОРОДКИН

СТАТЬЯ 1. ПУТЬ К ГОСПОДСТВУ НАД ХОЗЯЙСТВОМ

Лет через двести или триста исследователи напишут, что в XX в. произошел, возможно, самый крупный переворот в истории человечества: обнаружилась временная граница между двумя принципиально разными эпохами его существования. До середины-конца XX в. общество, все отношения между людьми всегда были инструментами хозяйственной деятельности всех масштабов и уровней, от семей до глобальных промышленных и финансовых корпораций и государств. Однако затем при жизни практически одного поколения хозяйствование стало инструментом поиска и поддержания комфортной жизни людей. Закончилась история человечества как ресурса, средства, источника, инструмента. Началась принципиально иная история - приспособление накопленного опыта хозяйствования, взаимодействия, использование накопленных благ, созданных и строящихся структур для устройства удобной, комфортной жизни людей.

Этот переворот не остался в рамках взаимоотношений собственно хозяйствования и внутри человеческих сообществ. Рабы хозяйства становятся впервые в истории подлинными деятелями, хозяйствующими **субъектами**, освобождающимися от постоянной заботы о своей физической безопасности и физиологическом воспроизводстве, от необходимости работать и жить исключительно ради непрерывного расширенного производства ресурсов, инструментов, средств для того же хозяйствования. Впервые в истории люди от объяснения того, что с ними делает по необходимости хозяйствование, этот Голем, сотворенный людьми, но им не подчиняющийся, начали переходить к сознательному управлению, превращать Голема в послушного слугу. Лозунг "жить, чтобы работать" сменился девизом "работать, чтобы жить" [Pratchett, 1996].

Одновременно это означало и переворот в науках о хозяйствовании. Привычный русскому уху термин "экономика" стал иногда сменяться, замещаться термином "социоэкономика" как для обозначения способа хозяйствования, так и множества наук о таком хозяйствовании. Именно одновременно, потому что, как я постараюсь показать ниже, практика хозяйствования, меняясь, стимулирует не только рождение нового знания, но и теоретическое понимание возможных будущих ветвлений практики, делает последнюю зависимой от теории. Теория становится частью хозяйственной практики. И это также часть переворота в жизни людей.

Работа выполнена при поддержке Научного фонда Государственного университета - Высшей школы экономики (грант N 05 - 01 - 0014).

Б о р о д к и н Фридрих Маркович - доктор экономических наук, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики.

Путаница в русских терминах

В течение примерно последней четверти века в англоязычных публикациях быстро нарастает интенсивность употребления терминов *socioeconomy* и *socioeconomics*. Они, разумеется, соотносятся с терминами *economy* и *economics* не только за счет второй части этих слов.

Первые два в публикациях на русском языке принято переводить как "социэкономика", вторые - "экономика". Однако эти переводы неточны, и поэтому возникают не только терминологические, но и методологические неувязки. В результате зачастую приходится встречаться и с непониманием, неверными интерпретациями и развитиями теорий по ложному пути. За ложными шагами следует и практика в масштабах не только отдельных фирм, но и государств (чуть позже я это продемонстрирую).

Анализ больших объемов самых разнообразных публикаций западных теоретиков убеждает, что наиболее широко цитируемые авторы термин *economy* употребляют в применении к *рыночной экономике*, а точнее - к *рыночному способу хозяйствования*, в котором выполняются известные аксиомы (или постулаты) о рациональности выбора, конкуренции и т.п. *Economics* - множество наук именно о такой, рыночной, системе хозяйствования. Но стоит отметить и то, что в массовых исследовательских и околонаучных публикациях *economy* и *economics* очень часто употребляются как синонимы. Более того, историки пишут, например, о *economics of ancient Egypt*, а экономисты - о *USSR economy* или о *USSR economics*.

Практически все толковые словари едины в интерпретации термина *economics* как теории или множества теорий распределения ограниченных ресурсов в условиях рынка или науки о производстве, распределении и потреблении ограниченных объемов благ. Термин *economy* получил несколько близких интерпретаций: экономия (избегание трат); контроль со стороны общества, сообщества или домохозяйства за деньгами, благами или иными ресурсами и управление ими; система использования ресурсов и управления ими *в условиях рынка*. Все эти смыслы я объединяю одним термином *рыночный способ хозяйствования*.

На этом фоне оказывается затруднительной интерпретация терминов *socioeconomy* и *socioeconomics*, потому что они пока не попали ни в какие нормативные словари английского языка. Они присутствуют в наборе ключевых слов библиотек, но прямые их кальки в российском научном жаргоне ничему не соответствуют, никакой определенной смысловой нагрузки не имеют и с трудом воспринимаются российским научным сообществом.

В российских публикациях можно обнаружить вялую дискуссию относительно различия или возможного вхождения друг в друга экономической социологии и социэкономике как наук, сомнения в том, что социэкономика - вообще наука, а не некое жаргонное обозначение или даже вербальный инструмент ловких исследователей-карьеристов. Этим интерес к данным терминам до недавнего времени и исчерпывался. Однако буквально в последние полтора-два года дискуссии по поводу социэкономике стали нарастать (см., например, [Шабанова, 2006]).

Я не хотел бы казаться педантом или занудой, но буду пользоваться терминами непосредственно в английском их написании до момента, когда можно будет более или менее определенно очертить соответствующие русские терминологические аналоги и соответствующую реальность. Я оправдываю себя утверждением, что трудности с интерпретацией всех четырех терминов в российском научном сообществе имеют под собой вполне реальную базу в российской так называемой "объективной действительности". Попытки установить корреспонденцию между этими кальками англоязычных терминов и чем-то более или менее определенным в нашем реальном окружении приводят к любопытным построениям и выводам.

Монтаж конструкции

То, что будет изложено ниже, является вынужденным обобщением довольно большого количества публикаций и результатом попытки приведения прочитанного в некий

логический порядок. Работа напоминала детскую игру "Лего" с потерянными картинками, которые надо смонтировать из большого количества разнообразных фигур в некие осмысленные формы. В процессе такого монтажа можно догадаться, каковы были утраченные изображения, но можно изобрести и новые. Отмечу несколько моментов в процессе появления и легитимизации терминов *socioeconomics* и *socioeconomy*.

Во-первых, одним из главных и исторически ранних предметов, рассматриваемых в рамках *socioeconomics*, были проблемы природной среды и экологические катастрофы. Они оценивались и анализировались как негативные неисключаемые экстерналии и социальные беды (*negative unexcludable externalities* и *social bads*). В этом же направлении главные свои работы сделал известный экономист и социолог А. Пигу, на которого ссылаются в многочисленных публикациях в *socioeconomics*, в описании приложений моделей экономики с экстерналиями в работах по социальным индикаторам.

Во-вторых, *socioeconomics* приобрела как бы в готовом виде собственный инструментарий для измерения и математического моделирования в виде социальных индикаторов. В течение более чем четверти века они все чаще рассматриваются как адекватные оценки качества жизни, вытесняя привычные показатели типа ВВП на душу населения, уровня жизни, душевого дохода и т.п. Обсуждение и оценка различных аспектов качества жизни представляет собой одно из основных направлений в *socioeconomics*.

В-третьих, произошло резкое изменение отношений между производителем и потребителем на микроуровне, замеченное и обсуждаемое именно в рамках *socioeconomics*. В последние 15 - 20 лет производитель и потребитель перестают существовать как отдельные акторы, встречающиеся только на рынке. Теперь еще на начальной стадии производства и именно из коммерческих соображений производители стараются сделать потребителя не просто клиентом, но как бы соучастником индивидуализированного производства, ориентировать производство на конкретные потребности конкретных клиентов, приобрести или сформировать как можно больше лояльных клиентов. Внутри производственного процесса работники перестают рассматриваться в качестве одного из производственных ресурсов, пусть и очень сложного и чрезвычайно важного. Они все больше включаются в непосредственный процесс управления не просто производством, но всей средой, с которой приходится иметь дело. Более того, фирма в своей заботе, как кажется только о собственном успехе, выходит далеко за свои границы и помогает не работнику, но личности, индивиду, отдающему ей свои силы и время. К началу XX в. этот процесс приобрел статус специальной социальной политики.

В-четвертых, за последние три десятилетия мы стали свидетелями коренных изменений фундаментальных основ хозяйствования. Традиционно оно осуществлялось в условиях нехватки какого-либо ресурса, что считалось или было очень существенным, или желательным для выживания. Но в конце XIX-начале XX в. значительная часть цивилизованного человечества начала ощущать ненормальность своего состояния в качестве ресурса некоей бездушной машины, работающей ради себя самой, - хозяйствование для роста хозяйства. И все перевернулось - люди осознали, что надо жить не ради успешного хозяйствования, а успешно хозяйствовать ради хорошей, благополучной собственной жизни. И тогда в противопоставлении *economy* родилась *socioeconomy*.

Таким образом, в рождении и становлении *socioeconomics* обнаруживаются несколько потоков. Один из них - поток меняющейся практики хозяйствования, другой - поток теоретического характера, то обобщающий практику, то предваряющий ее.

В потоке практики хозяйствования на протяжении многих тысячелетий менялся главный, центральный производящий ресурс (окружающая природная среда -> люди -> земля -> капитал -> осведомленность и коммуникации) и способ, механизм хозяйствования (присваивающее хозяйствование -> обменное хозяйствование -> рыночное хозяйствование -> *socioeconomy*). Менялась и организованность передовой (наиболее цивилизованной) части социума (родоплеменная и очаговая -> моноцентристская -> полицентристская -> сетевая). Еще один поток - технический прогресс, развитие технологий производства и потребления производимых благ (от исключительно физического труда по добыче, присвоению необходимых продуктов до решительного преобладания услуг в

распределении, доставке, потреблении благ при почти полной замене тяжелого, монотонного и/или опасного физического труда машинными автоматизированными операциями).

Конечно, это не были потоки взаимно независимых изменений, они переплетались и взаимодействовали (точнее, все вместе они единый поток). Стараясь понять и предвидеть события, мы расчленяем его в зависимости от своих задач, позиций и концепций. Поэтому спор о том, как развивается знание, насколько оно зависит от практики и от технологии самого познания - естественный, хотя, как мне кажется, сам по себе не плодотворный. Есть достаточные основания считать, что науки о хозяйствовании развиваются вслед за появлением новых идей вместе с молодыми исследователями [Colander, 2003]. Но не меньше оснований и в признании регулярностей практики стимуляторами развития знаний. Повторение похожих результатов в соединении усилий и ресурсов заставляет искать теоретические основания такой регулярности. Поэтому, чтобы понять путь становления *socioeconomics* и *socioeconomy*, имеет смысл их относительно раздельного рассмотрения.

Логика данного текста сводится к попытке показать, что новая область научного знания (*socioeconomics*) уже существует с множеством своих объектов и предметов, что это направление является обобщающим (но не альтернативным) по отношению к традиционному конгломерату экономических наук (*economics*).

Поэтому первым шагом будет определение объекта и предмета *socioeconomics* или той сферы исследований, совокупности, комплекса исследовательской деятельности, которые обнаруживаются в литературном освещении исследований и практики, сопровождаемом названием *socioeconomics*.

Практика хозяйствования

Хозяйствование в разные эпохи принимало различные формы по своему содержанию, структуре, способам управления и главным ресурсам. В публикациях содержится множество периодизаций хозяйствования на разных основаниях с глубокой древности до наших дней. Предлагаются различные критерии периодизации развития хозяйствования и соответствующих классификаций. Основаниями могут быть: ведущие ресурсы, ведущий тип технологий (техническая сторона), главные (приоритетные) цели, преимущественные способы управления, тип социальной среды (социальные отношения).

Скорее из желания простоты и чувства умеренности из всех замеченных мною в литературе систем, основ периодизаций я выбрал три, явно связанных с вопросами, поставленными в данном тексте. Первая система делит всю историю развития социума на три исторических эпохи - доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. При таком делении речь идет главным образом о технологиях производства, распределения и потребления благ и услуг. Однако есть публикации, в которых доиндустриальная эпоха рассматривается как редиистрибутивная. Эта характеристика, разумеется, социальная. Различные страны в одно и то же время могут находиться на разных стадиях, в разных эпохах, сосуществовать и даже взаимодействовать¹. В некоторых публикациях доиндустриальное (*preindustrial economy*) хозяйствование называют перераспределительным (*redistributive*). Некоторые исследователи считают, что доиндустриальное хозяйствование было центральным объектом анализа еще А. Смита [Caton, 1985].

Вторая система также широко обсуждается и имеет дело с технологиями управления хозяйствованием. Здесь интересна градация, приведенная в работе А. Сингха [Aja... 1998], где рассмотрена периодизация по четырем последовательно появляющимся и побеждающим формам организации общества: родоплеменной, иерархической, рыночной

¹ Возможно, наиболее удачной и интересной публикацией в этом направлении является [Гоффлер, 2002]. Впервые же концепция трех стадий была сформулирована Д. Беллом и опубликована в [Bell, 1973].

и сетевой². Примечательно, что все четыре формы организации, последовательно сменяя друг друга в качестве господствующих, не исчезают из жизни, существуют не только одновременно, но успешно взаимодействуют зачастую в рамках одного и того же общественного устройства - в одном государстве, одном территориальном сообществе, даже в одной организации, в одной и той же фирме.

Третья система периодизации и классификации тесно связана с первыми двумя, однако подчеркивает важную сторону хозяйствования, непосредственно связанную с рыночным периодом организации общества. Она впервые, кажется, предложена В. Иноземцевым³. Для нас интерес представляет выделение им трех типов общества - доэкономического, экономического и постэкономического. К доэкономическим автор относит почти все общества докапиталистического, доиндустриального периода, который, по существу, является эпохой, начавшейся задолго до рынка в привычном для нас смысле. Расцвет капитализма, охват рыночными отношениями всех сторон жизни означает достижение своего пика экономической эпохой, то есть системой хозяйственных отношений, полностью освоенных рынком.

Постэкономическое общество, по Иноземцеву, открывает широкие, практически безграничные перспективы перед теми, кто разделяет постматериалистические цели и ставит основной своей задачей совершенствование собственной личности [Иноземцев, 1999]. Под постматериалистическими целями понимаются цели, не связанные с ростом личного материального богатства, в чем бы оно ни выразилось, личного физического или финансового капиталов. В результате отпадает и нужда в соответствующем хозяйствовании. К этому времени большинство населения достигает уровня доходов, позволяющего не тратить много сил и времени на обеспечение своей жизнедеятельности материальными ресурсами.

Приведенные три периодизации (градации) во многом пересекаются. Так, доиндустриальная эпоха первой периодизации, родоплеменная и иерархические градации второй периодизации и доэкономическая эпоха третьей имеют дело почти с одними и теми же ситуациями вне рыночного и дорыночного типов, индустриальная эпоха первой градации, рыночная второй и экономическая третьей в основном относятся к ситуациям развитого рыночного типа, постиндустриальная первой, информационно-сетевая второй и постэкономическая третьей - к новой эпохе, пока что не имеющей общепринятого названия.

Многое указывает на то, что эти градации не описывают исключительно альтернативных свойств. Они, скорее, относятся к разным аспектам хозяйствования. Например, в развитой рыночной системе почти все бюджетные (государственные и муниципальные) организации устроены иерархически, то же соблюдается и в так называемых силовых структурах. Сетевой способ управления и хозяйствования может проявить и проявляет высокую эффективность в любой системе, кроме, может быть, предельно иерар-

² Родоплеменная форма - начальная и основана на родственных отношениях. Иерархическая (центристская) форма в западной цивилизации была успешно развита Римской империей и католической церковью. Полицентристские торговые связи, торговля создали рыночную организацию, способную к быстрой и гибкой адаптации к меняющимся условиям. Сетевая форма обусловлена происходящими в последние десятилетия принципиальными изменениями технологий в обработке и передаче информации, позволяющими агентам взаимодействия оставаться на своих местах на больших расстояниях друг от друга, продолжая продуктивные контакты. В результате стали разъедаться, разрушаться иерархическая организация и иерархические институты общества. Бюрократические жесткие формы управления также подверглись коррозии, поскольку важным становится ресурс знаний и управление знаниями, а не только выполнение формальных предписаний. Все это убедительно показано в широко известных работах М. Кастельса и многих других. Начало же было положено прикладными работами японских исследователей 1960 - 1970-х гг. (см. [Алексеева, 1998]).

³ В концентрированной форме наиболее интересные для нас части его теории изложены в [Иноземцев, 1998]. В то же время при обсуждении постэкономического развития Иноземцев ссылается на Г. Кана и Д. Белла, первыми применивших термин "постэкономический".

хической типа диктатуры. Родоплеменные принципы в измененной форме существуют в любой стране и поныне и, скорее всего, будут существовать в любых случаях, когда хозяйствование основано на доверии. В частности, в экономической системе хозяйствования они проявляются в форме социального капитала.

Есопому и рыночная стадия

В публикациях часто постиндустриальная и информационно-сетевая эпохи трактуются как высшие достижения в развитии социума. Соответственно, страны с высоким уровнем развития промышленности и коммуникаций оцениваются как передовые. Это имеет смысл во многих отношениях. Информационные технологии распространяются широко главным образом именно в странах, достигших наивысшего уровня в промышленном развитии. Подавляющему большинству населения этих стран не приходится отдавать основные силы на добычу для себя самого необходимого. В этих же странах развиты и сетевые структуры в самых различных сферах, что вполне естественно: сетевые взаимодействия базируются на информационных технологиях. Тем не менее (и это будет следовать из дальнейшего) не все индустриально развитые страны (сообщества) могут быть причислены к рыночной градации во второй системе и к экономической в третьей. Уровень индустриального развития - характеристика технологического типа, она не обязательно сопровождается некими социальными особенностями.

Рыночная и экономическая градации полностью совпадают, если иметь в виду не просто существование рынков (их возраст - многие тысячи лет), но развитые рыночные механизмы, пронизывающие все общества. Эти названия синонимичны. Но тогда правильным будет и отождествление в целом дорыночных и доэкономических обществ. Исторический опыт говорит, что в конечном итоге нормальное развитие хозяйствования (без природных или глубоких социальных катастроф) приводит на смену дорыночным и доэкономическим обществам рыночные и экономические.

Разумеется, вполне возможны и возвраты, обратные переходы к доэкономическому состоянию. Примеры таких возвратов общеизвестны - Германия и Россия. Можно возразить - Германия и Россия начала XX в. вряд ли были рыночными странами. Но четкую грань между дорыночным и рыночным состояниями провести трудно. Есть основания утверждать, что рыночная часть хозяйствования в этих государствах в те времена подавляюще преобладала над хозяйствованием, регулируемым государством. Возвраты не исключены и в настоящее время, хотя, возможно, не такие резкие, катастрофичные, драматические. Доиндустриальные страны могут оказаться в рыночном сообществе, оставаясь сами по себе на низком уровне развития с полуголодным и нищим населением.

Названия "постэкономические" и "постиндустриальные" страны также можно считать синонимами - множества тех и других стран практически совпадают. В логике данного текста я буду пользоваться градацией, предложенной Иноземцевым, то есть делением типов хозяйствования на доэкономический, экономический и постэкономический.

К трем данным типам, возможно, полезно добавить еще два - предэкономический и внеэкономический. К предэкономическому типу я отношу хозяйствование, явно совершающее, но еще не закончившее переход к экономическому типу. Внеэкономическим я назову хозяйствование, по всем признакам не приобретающее и в будущем черты экономического. Примеры ныне существующих стран, в которых господствуют эти два типа хозяйствования, указать нетрудно.

Идентификация экономики (*есопому*)

Возникает методологическая задача - найти способ идентификации конкретного хозяйствования, способ, который бы соотнес ситуацию в стране с типом хозяйствования. Практическая, прикладная необходимость такой идентификации может диктоваться разными обстоятельствами, в том числе желанием построить политику с ориентацией на движение хозяйствования в определенную сторону.

Сколько бы ни утверждать, что люди в постиндустриальных странах живут лучше, это утверждение, как иногда говорят, "еще не факт". А потому может оказаться вполне разумным ориентация развития собственного хозяйствования некоторых, особенно некрупных, стран не в сторону экономического или постэкономического типов. Внеэкономический тип хозяйствования не обязательно должен ассоциироваться с низким качеством жизни, а экономический или постэкономический - с более высоким. Связи между типами хозяйствования и качеством жизни может и не быть, поскольку хозяйствование - не обязательный и в любом случае не единственный источник благополучия как страны, так и индивидов⁴.

Кажется, сейчас сформировать индикаторы принадлежности к типу хозяйствования непосредственно можно только для его экономического типа. Причина такой исключительности заключается в том, что для этого типа, начиная, наверное, с работ А. Смита, строилось и продолжает строиться здание научной теории со строгой архитектурой. Существование развитых рыночных отношений может фиксироваться по наличию определенных признаков хозяйствования, особенных свойств именно рыночного взаимодействия по сравнению с любыми другими.

Свойства экономики как типа хозяйствования изучены глубоко и описаны в громадном количестве работ. Все же рискну напомнить фундаментальные признаки развитого рыночного типа хозяйствования, определенные в *economics*:

- **свобода хозяйствования и взаимодействия**, означающая существование принципиальной возможности легального и легитимного выхода в пространство взаимодействий любого агента и невозможность подавляющего влияния на взаимодействия и правила любых отдельных агентов, включая государство. Для последнего могут быть сделаны некоторые исключения⁵, но лишь в части его обязательств по мониторингу правил взаимодействия в разных сферах общества, а не только в хозяйствовании. Непосредственно в хозяйствовании принадлежащие государству хозяйствующие агенты должны обладать правами, нисколько и нигде не превосходящими прав любых других агентов;

- **цены на блага и услуги, призванные покрыть издержки на их производство, складываются при наступлении равновесия (равенства) между предложением благ и услуг производителями и спросом на них со стороны потребителей при равной свободе предложения и спроса для всех агентов рынка.** Блага и услуги производить длительное время имеет смысл только в случае, если цены позволяют получить и дополнительную прибыль, которой сможет распоряжаться производитель благ и услуг. Особый интерес для нас представляют так называемые полные социальные издержки. Цена может быть как выше, так и ниже этих издержек. Более того, как известно, полные социальные издержки не связаны жестко с издержками производителя. Разница между этими издержками может рассматриваться как цена экстерналий. Замечу, что эффективная для свободного складывания цен встреча спроса и предложения означает одновременно и свободу конкуренции;

- **незыблемость (священность) права собственности; наличие формального института собственности;**

- **рациональность хозяйствования ради собственной выгоды.** Все и всегда принимают рациональные решения, стараясь максимизировать удовлетворение собственных интересов, так или иначе, но ясно выраженную собственную выгоду.

Эти четыре признака - идеальные принципы *economu*. Никто их не придумывал и на их базе целенаправленно не осуществлял некоего проекта развития. Но именно вокруг

⁴ При этом невольно вспоминаются известный анекдот про жителя африканской страны, спящего под бананом, и рассказ О. Генри о двух веселых бизнесменах, задумавших сделать состояние на продаже обуви в глубинке той же Африки.

⁵ Пользуясь термином "государство", я имею в виду именно институт, а не аппарат, не органы государственной власти, которые с этой точки зрения должны быть чисто служебными органами института. Разумеется, это идеальное и совершенно нереалистичное представление.

них и организовано все рыночное хозяйствование, *economy*. В реальности эти признаки, принципы приобретают бесчисленные оттенки и формы, испытывают непрерывные превращения и изменения, к ним приближаются и от них отдаляются, их провозглашают как правильные и ведущие и их же обвиняют во всех мерзостях и несправедливостях результатов.

Кроме того, нельзя не вспомнить еще один признак развитого рыночного типа хозяйствования. Это **аксиома убывающей предельной полезности**⁶. Предположение о существовании ускоряющегося насыщения при потреблении одного и того же блага.

На базе названных пяти признаков экономический тип хозяйствования (*economy*) получил полное теоретическое обоснование и математическое описание, по своим формам, богатству и доказательности близкое к аппарату таких естественных наук, как физика, генетика, астрономия. В последние годы здесь обнаруживаются все признаки и характеристики современной предельно развитой науки - аксиоматические содержательные и математические (формальные) теории, экспериментальные (в том числе и критические) измерения, результативные наблюдения и статистику. Огромно и количество успешных прикладных теорий и работ. Словом, можно утверждать, что **экономика и как особая практика хозяйствования (*economy*) и как система академических и прикладных наук (*economics*) состоялась**⁷.

Экономический империализм

Экономическое хозяйствование превращало в свой инструмент и механизм все, к чему оно прикасалось. Это легко понять, если вспомнить, что единственная цель экономического хозяйствования (*economy*) заключается в создании ситуации для извлечения максимально возможной выгоды, прибыли. Инструментом стали индивиды и их группы, человеческая личность, культура, отношения между людьми, словом, все, что так или иначе может приносить выгоду, в конечном счете - денежную. Все, сулящее выгоду, подверглось капитализации. Сформировалось инструментальное отношение экономического хозяйствования к любым проявлениям человеческой коллективной и индивидуальной жизнедеятельности. Социум в целом и любые его проявления стали ресурсом и средством реализации экономической хозяйственной жизни. Все - для максимально успешного, то есть максимально выгодного, хозяйствования. Это движение можно назвать **социальной интервенцией** экономики (рынка).

Процесс глобализации оказался тем локомотивом, который стал продвигать рыночные отношения во многие страны, до того либо не знавшие экономики, либо только начавшие движение в сторону рынка. Экономическая (рыночная) глобализация в составе многих иных процессов охватила и хозяйствование. Это движение стало **географической интервенцией** экономики (рынка).

Экономика захватила большое количество интеллектуальных сил и в академических, и в прикладных науках, мобилизовала огромную часть системы образования (профессорско-преподавательский состав, обслуживание, студенческий контингент, финансово-материальные ресурсы). Даже критерии оценки качества в науке и образовании оказа-

⁶ Чаше эта аксиома фигурирует в литературе под именем закона, иногда - концепции, принципа или теории. Б. де Жувенель же показал, что это именно аксиома в определенной теории, а не эмпирически выявленный закон. Хотя, в то же время, в некоторой ситуации она выполняется в практике и обнаруживается как закономерность в жизни. Но последовательное и всеобщее ее применение могло бы привести в конечном счете к отказу от всякой поддержки групп ослабленных индивидов (инвалидов, стариков и т.д.) и к сосредоточению всего богатства в руках тех, кто большей частью богатства уже распоряжается.

⁷ Состоялось и множество законченных и стройных теорий в других науках, так или иначе обслуживающих экономическое хозяйствование. К ним относятся, например, экономическая социология, некоторые разделы психологии, конфликтология, значительная часть политологии. Надо, конечно, помнить о том, к какому именно типу хозяйствования эти науки относятся, где они действительно актуальны и имеют не только академическое, но и прикладное значение.

лись подчинены инструментальным целям экономики. Это движение можно охарактеризовать как **интеллектуальную интервенцию** экономики.

Экономическое хозяйствование создало грандиозный аппарат нормативно-законодательного и юридического исполнительного обслуживания. Недаром говорят, что профессия юриста в экономически развитых странах - самая высокооплачиваемая и проклинаемая клиентами. Здесь мы видим **легитимистскую интервенцию** экономики (интервенцию в сфере законов).

Особое звучание приобрела ориентация на "правильное" экономическое поведение во всех областях, везде в социальной среде, во всех взаимодействиях. Это движение - **культурная интервенция** экономики.

Все, что делается в обыденной жизни, не может не оцениваться сквозь призму выгоды или убыточности, мелкие и крупные победы и поражения либо происходят непосредственно в хозяйствовании, либо чего-то стоят. Все от мала до велика вынуждены постоянно принимать хозяйственные решения, чего не было до наступления экономической эпохи. Происходит **бытовая интервенция экономики**.

Интервенция экономики в данных шести и других направлениях получила в литературе название **экономического империализма**⁸. Естественно и постоянно нарастающее сопротивление такой агрессии.

Рыночная утилизация

В целом можно сказать, что экономическое хозяйствование располагает мощным механизмом рыночной утилизации любых ресурсов, пригодных для извлечения выгоды и для превращения любых процессов и ситуаций в средство для себя. Като **рыночной утилизации** проходит по всему миру, не встречая серьезных препятствий. Наоборот, пока кажется, что через этот механизм должны пройти все страны и все народы планеты, и они стремятся к этому. Рыночная утилизация, по общему убеждению, свидетельствует о взрослении социума, его совершенствовании и качественном росте. Не все при этом уцелют.

Механизм рыночной утилизации в разных странах работает неодинаково по многим причинам. Отмечу здесь лишь два обстоятельства. Во-первых, не существует стандартных графиков или вычисляемых (удачно прогнозируемых) сроков работы такого механизма. Дело может двигаться медленно, не годами, а поколениями, а может продолжаться и очень недолго. Мы знаем примеры перехода стран к рыночной экономике, завершившиеся не только при жизни одного поколения, но буквально за считанные годы. Среди них есть страны как с небольшим населением, так и крупные. Известны и примеры длящихся давно переходов, завершение которых пока даже не прогнозируется. И эти страны различны по численности населения. Помимо прочего (а может быть в первую очередь), такой переход означает - культурную модернизацию, серьезную или полную перестройку старых институтов и формирование новых. Ни сроков, ни графиков или маршрутов подобных перестроек построить и указать нельзя, если только они не делаются принудительно, с помощью силы.

Такие переходы могут быть существенно нелинейными, возвратными и сложными, потому что зависят и от того, насколько институционально укорененной была уходящая система. Институты способны внешне распадаться и как бы "нырять" под волны революций и катастроф, а затем возникать в новых условиях и сплетать старые системы и старые отношения среди людей из сохранившихся элементов и осколков. Вот тут-то и может случиться возврат к старой системе хозяйствования под прикрытием новых слов. Возрождение старых институтов как бы имитирует рост и оформление новых. Причин-

⁸ На эту тему легко найти много публикаций. Одним из первых различил империалистическое лицо экономики, кажется, Г. Стиглер [Stigler, 1982]. Назову также две работы, первая из которых рассматривает экономический империализм в науке, а вторая - в законе: [Fine and Mattei].

но-следственные связи между различными видами социальной активности и различными социальными группами могут по времени переживать не одно поколение в латентной форме (см. превосходную работу неофункционалиста [Smicun]).

Во-вторых, утилизация приводит к сходным результатам в том смысле, что прошедшие ее страны приобретают во многом похожие черты социальных устройств, культуры, технологий и оказываются связанными друг с другом по многим направлениям - экономическим, технологическим, культурным и другим. Экономический интервенционизм в разных сферах (технологической, культурной, хозяйственной и т.д.) распространяется повсюду, где не встречает адекватного противодействия. Противодействие же может преодолеваться и способами, осуждаемыми международным сообществом или, во всяком случае, руководителями многих стран, например с помощью военной силы. Общий механизм интервенционизма представляет собой механизм современной глобализации.

Современной - потому что глобализация как процесс представляет собой историческое расселение людей по планете. Интенсивность и источники интервенций в разные эпохи были различны. В наше время стартовые страны интервенционизма, по крайней мере, в технологиях производства (включая информационные), хозяйствовании, социальных отношениях, культуре и науке представляют собой и постоянные его источники. Это уже не отдельные страны или этносы, как в прошлые эпохи, а объединения стран, крупных держав, сформировавших общие пространства во многих сферах, направлениях развития. Ф. Бродель удачно назвал такие пространства "мир-экономиками", а И. Валлерстайн, перейдя от анализа положения отдельных стран к их конгломератам и введя историческое время в качестве неотделимой компоненты "временипространства" (*timespace* - именно так, одним словом), подобные образования рассматривал как цельные исторические системы и потому термин "мир-экономика" превратил в более историчное название "капиталистический мир-экономика" [Бродель, 1992; Валлерстайн, 2001]. С моих позиций термин "мир-экономика" по содержанию эквивалентен "капиталистическому миру" в рамках некоторой системы стран с экономическим и постэкономическим способами хозяйствования, возможно, с присоединением части стран с доэкономическим или с внеэкономическим способами хозяйствования. Последние, находясь на периферии такого мира, могут быть и жизненно необходимы "капиталистическому миру" для обеспечения некоторыми важными ресурсами, например энергетическими, сырьевыми, рабочей силой и т.п. Эти государства могут, в конце концов, войти и в состав "мир-экономики" как полноправные партнеры, но могут и конфликтовать со странами "мир-экономики", пытаясь поставить их в зависимость от своей воли. Во всяком случае, конфликтная ситуация в такой конфигурации обязательно присутствует, и объектом ее является право определять правила распределения (продажи, доставки и т.д.) дефицитных ресурсов.

В конечном счете, это власть над дефицитными ресурсами, и за нее и будет происходить борьба с применением разнообразного оружия, вплоть до боевого. Это же обстоятельство создаст конфликтные ситуации и для стран периферии в качестве взаимных оппонентов по поводу роли в поставке дефицитных ресурсов странам "мир-экономики". Поскольку же таких "мир-экономик" может существовать более одной, между ними также непременно сложатся непростые отношения по поводу тех же дефицитных ресурсов. Вместе со странами периферии эти "мир-экономики" порождают сложные и запутанные конфигурации межгосударственных отношений, грозящих недоразумениями и конфликтами. Так что постэкономическая, социэкономическая эпоха вряд ли несет с собой всеобщий мир и добродушие. Дефицитным может оказаться и любой ресурс, способствующий безопасности, как индивидуальной, так и коллективной. Сложность мира в целом может оказаться предельно высокой, а потому и сам мир будет очень хрупким.

Что было до экономики?

О дорыночном типе хозяйствования такого не скажешь. Разнообразие его дорыночных форм нельзя уложить в какую-то единую универсальную и простую картину, выде-

лить какие-то общие процессы и общую "станцию назначения". Более того, Валлерстайн резко возразил против телеологического восприятия истории. В его представлении в развитии социальных миров *все прошлое* определяет *все будущее*, именно так *-post hoc, ergo propter hoc* (после того, значит, вследствие того. - лат.)⁹. Поэтому шкалу со "станцией назначения" нельзя воспринимать как рельсовую дорогу с указателями расстояний и направлений движения. Такое описание процесса и возможного будущего - не более чем метафора, ее нельзя снабдить инструкцией по планированию и графиком движения. Такой же взгляд на причинно-следственные связи в социальной истории мы находим и у неофункционалистов, последователей Т. Парсонса¹⁰.

Я не ставлю перед собой задачу анализа дорыночных форм или их описания. Более пристальное внимание именно к экономической форме хозяйствования вызвано необходимостью и возможностью отделения того, что было *до* этой формы хозяйствования и отделение этой формы от того, что может быть *после* нее. Кроме того, в живой жизни ни одна из возможных и реализованных форм хозяйствования не исчезает бесследно, но в каком-то свернутом виде находит себе место в текущем потоке, иногда также реально действуя, а иногда возрождаясь в определенных подходящих ситуациях.

Среди докапиталистических, доэкономических форм хозяйствования большое распространение получили распределительные и перераспределительные типы (*distributive, re distributive*). Но отдельные исследователи считают, что у распределительного хозяйствования, возможно, есть и будущее. Некоторые из них не отказывают одному из его типов - социализму - в возможности организации рыночного типа хозяйствования. При этом иногда имеются в виду успехи китайской экономики в последние два десятилетия.

Пока что нам важно зафиксировать факт существования в недавнем прошлом большой группы стран, которые могли быть причислены и причислялись к промышленно развитым, индустриальным, но, тем не менее, оставались на доэкономической стадии. Часть из этих стран "перепрыгнула через пропасть" и очутилась в условиях рыночного хозяйствования, в экономической среде. В них были живы не только воспоминания о жизни в экономических условиях, но и кое-где осталось довольно много носителей экономических традиций¹¹. Кроме того, следуя неофункционалистам, наверное, можно констатировать, что в таких странах осколки экономических институтов продолжали существовать латентно, подобно свободным радикалам в организме, ожидая своего часа. Не исключен и феномен действия коллективного бессознательного в форме архетипов (по К. Юнгу).

Другая, значительная часть, осталась пока что в доэкономическом состоянии. Одни из них движутся в сторону экономического состояния, иные пытаются не только сохранить старые распределительные системы, но и ужесточить то, что имели. Как происходит переход в экономическое состояние - вопрос, ответ на который чрезвычайно важен и с теоретической и, в особенности, с практической точки зрения.

Доэкономические формы хозяйствования в литературе выступают под разнообразными именами. Обычно все эти формы относят к *доиндустриальному* или *прединду-*

⁹ Конечно, просится и простое возражение - цель может быть заложена в прошлом как целесообразность и даже рациональность. Будет ли она затем в анализе выделена особо и отнесена в будущее - особой роли для анализа не играет. Суть же заключается в том, что сформулированная и фиксированная в общественном сознании цель становится свершившимся событием и потому - одной из причин будущих состояний. Другое дело, что такое целеполагание не обязательно приведет к достижению именно этой цели, хотя ради ее достижения может делаться многое.

¹⁰ Так, например, Э. Шмикун [Smikun] показывает, как социальные институты, проходя в скрытом виде через валы изменений и даже катастроф, в новых условиях могут формировать события и даже возрождаться без особых видимых, явных причин.

¹¹ Я не имею в виду единственную в истории страну, действительно "перепрыгнувшую" через пропасть из глубоко доэкономической действительности в экономику, - Японию.

стриальному (*preindustrial*) периоду. Термин *доэкономический* (*preeconomics; preeconomy*) почти не встречается. В то же время, опубликовано много работ по *докапиталистическим* (*precapitalistic*) формам хозяйствования. Часто в их заглавиях и в текстах содержатся термины "экономика", "экономические отношения" и т.п. (соответствующие термины используются и в англоязычных работах). В то время как англоязычные термины могут пониматься как производные от слова "хозяйство" (*economy*), тексты на русском языке с использованием русских калек данного английского слова и его производных создают почву для нечетких и даже неверных толкований таких словосочетаний, как, скажем, экономика Древнего Египта или экономика какого-нибудь племени времен каменного века. То же относится и к использованию этих терминов для обозначения типов хозяйствования современных стран либо очень далеких от рыночных отношений, либо недавно приступивших к их освоению, то есть к развитию в своей стране экономики, которой до той поры просто не было.

Ригоризм в терминологии - не каприз

Такой педантизм в использовании терминов имеет под собой не заботу о чистоте языка (хотя и этого было бы достаточно для обсуждения), а убежденность, что неправильно понятые термины влекут за собой и попытку использовать (внедрить, воплотить) в академических исследованиях и даже на практике (например, с помощью авторитетных экспертов, не очень грамотных в истории процессов) теории, концепции, рекомендации из другой жизни, из другой хозяйственной эпохи, где действуют (уже или еще) иные законы. Такие попытки могут оказаться не просто неудачными, но вредными и даже опасными. В результате в лучшем случае за счет сравнительно небольших затрат ресурсов и средств вырабатываются схоластические описания и теории по поводу отсутствующего социального объекта.

Так, во все время существования коммунистического режима во многих странах в науке и в обучении при его описании широко использовались термины "экономика", "экономическая наука" и многие термины с прилагательным "экономический" или словосочетания с термином "экономика". Но ведь экономическое хозяйство там попросту отсутствовало, *экономическая* научная или учебная дисциплины были беспредметны, у них не было адекватного объекта. В лучшем случае речь шла о правильном счете в распределительном хозяйствовании. Существовавшие и развиваемые в то время "экономические" науки и соответствующую практику уместнее было бы называть и рассматривать как хозяйственное счетоводство, как науку об учете в хозяйственной (пере)распределительной деятельности.

Конечно, достигаемые результаты можно было бы сравнивать с теми результатами хозяйствования, которые получались бы при использовании экономических принципов. Но такие принципы не могут распространяться в жизни без соответствующей политической структуры и без выполнения определенных формальных (юридико-правовых) и неформальных норм. Попытки подобных сравнений или, что еще опаснее, внедрения таких принципов с позиций господствовавшей тогда системы хозяйствования вполне обоснованно и почти автоматически воспринимались тогда как агрессия, интервенция. Общество организовывало, как умело, сопротивление этой агрессии, применяя все доступные средства. Обороняющаяся от экономической интервенции армия включала отряды и тех, кого называли экономистами по формальным признакам образования. Однако осмелюсь заявить, что, ввиду отсутствия в их жизненной практике объекта и предмета, который можно считать именно *economy*, экономистов в нашем отечестве быть не могло и не было. Такие специалисты воспитываются и появляются только теперь, да и то пока не по полной программе, поскольку объект (*economy*) еще не сформировался, а учат их те, кто с *economy*, как правило, дела не имел.

Это обстоятельство, а именно, стремление представить схоластические объект и предмет как живые феномены, конечно, принесло определенную пользу. Но большое количество талантов было загублено, обучающие плохо понимали, чему они учат, уча-

щиеся не находили объясняемых им ситуаций в действительности. Попытки систематического объяснения идей рынка, возможности и необходимости рыночной утилизации из-за извращений в хозяйствовании сталкивались не просто с непониманием или отпором, но часто с административным, политическим и даже уголовным преследованием.

Можно с уверенностью сказать, что основы подлинно экономического хозяйствования изучались, описывались и демонстрировались в науке и обучении в нашей стране только через математические построения (математическая экономика, экономическая кибернетика, методы оптимального управления) и частично - в экономической социологии, там, где предпринимались попытки создать более или менее строгие модели поведения и принятия решений в процессе хозяйствования. Партийные коммунистические идеологи не без оснований обвиняли сначала кибернетику, затем - математическую экономику, частично - социологию в попытках внедрить "буржуазную", чуждую идеологию в принципиально иную жизнь.

В то же время предпринимались попытки на очень ограниченных участках создать и практику экономического хозяйствования в сельском хозяйстве и в строительстве. Эта экономическая агрессия была пресечена в начале 1970-х гг. разгромами инициатив и тюрьмой для инициаторов.

Новая эпоха в хозяйствовании?

Теперь перед нами осталась третья группа - страны постэкономической эпохи. Что такая эпоха уже наступила, мало кто сомневается. Она не получила еще собственного имени, которое необходимо, ибо обозначение через приставку "пост" столь неловко и неинформационно, как и обозначение многих тысяч лет развития через приставку "до".

Но все же то, что было "до", уже прошло и в основном исчезло с лица земли или, по историческим меркам времени, вот-вот исчезнет. Будущая же, постэкономическая, эпоха неопределенно протяженна, поскольку она просто "пост" и еще не захватила большую часть человечества.

Хотелось бы понять, сформируется ли некий механизм новой утилизации, такой же беспощадный, всеобщий и универсальный, как механизм утилизации экономической, или, после прохождения через игольное ушко рынка человечество попадет в рай разнообразия и действительной свободы. Что обещает или уже создала и создает эта новая эпоха в том же направлении? Какие новые теории или дисциплины? Ведь в социальном мире все меняется значительно быстрее, чем в естественной природе, скажем, в биологии, физике, химии, астрономии.

Хотя уже известно, что "вечные" физические константы не совсем константы, но изменения их настолько медленны, что они никак не скажутся на истории человечества. Законы же одного социума не всегда можно распространить на другой. То, что было, как наблюдалось, обусловлено причинно-следственной связью в одной исторической эпохе, вовсе не обязательно связано так же и в другой. В то же время мы вправе ожидать, что некоторые фундаментальные свойства человеческих отношений будут сохраняться относительно долго. Поэтому вполне оправдана попытка при построении теорий для новой эпохи включать в эти теории представления о ранее описанных и обнаруженных феноменах. Такое стремление обеспечить некоторую преемственность теорий вытекает из всего опыта исследований и полезно в практическом отношении, так как позволяет учитывать весь предыдущий опыт.

У эпохи с приставкой "пост" есть множество имен - "постмодерн", "постэкономическая", "посткапиталистическая", "постиндустриальная" и даже "постпостиндустриальная". Наверное, есть и другие имена. Приставку "пост" можно добавлять к каждому названию, и будут получаться имена новых эпох.

Наступление постэкономической эпохи, по убеждению многих исследователей и аналитиков, означает конец капитализма. Тема конца капитализма сейчас не менее популярна, чем тема конца света в Средние века.

Но что происходит в реальности? Мы же наблюдаем невооруженным глазом: страны так называемого классического капитализма находятся отнюдь не в кризисном состоянии, их граждане живут в среднем совсем неплохо, статистические показатели, хотя и не всегда устойчиво, но указывают на рост эффективности хозяйствования. Страны Западной Европы, Канада, США, Австралия, как и прежде, привлекают потоки иммигрантов, там хотят жить все больше людей из других государств мира, особенно, конечно, из небогатых. В это же время в СМИ богатых стран и в научных публикациях появляется огромное количество работ различных жанров, где обсуждаются проблемы конца капитализма и задается вопрос, не является ли конец капитализма и концом мира, концом истории и цивилизации вообще?

В чем же заключаются основные черты нового взгляда на происходящие изменения? Первое и самое главное - провозглашение прекращения эпохи экономического империализма. Наиболее ярко этот взгляд выражают противники экономического империализма в мире и в социальных науках [Lerda, Scharin; Fine]. Выразительно название одной из таких работ: "Жизнь больше, чем простое упражнение об ограниченной оптимизации? Краткий обзор литературы по экономическому империализму".

В последние десятилетия возникли подозрения, а затем и убежденность, что в наиболее развитых странах в настоящее время экономика постепенно уступает место некоему другому способу хозяйствования. У. Бек писал о конце эпохи неолиберализма, который не оправдал надежд, не смог предотвратить международного терроризма, не в силах и не должен противостоять глобализации, ожиданию формирования международных институтов и регуляторов хозяйствования, которые могли бы предотвращать кризисные явления.

Взгляд на рыночную форму хозяйствования как на единственно в настоящее время эффективную, но непрерывно рождающую несправедливые отношения, характерен практически почти для всех западных исследователей. Пороки капиталистической рыночной формы хозяйствования, то есть экономики, настолько велики, что их разрастание, происходящее вместе и одновременно с ростом хозяйственного успеха, многими воспринимаются как явные предвестники скорого падения этого механизма, смены данной формы хозяйствования иной, не менее эффективной, но более справедливой и ценимой большинством населения. Рассуждения о близком, а иногда - и об уже состоявшемся конце капитализма не просто модны и широко распространены, но, как я постараюсь показать, справедливы. В них заметны два крайних и взаимно враждебных направления.

Одно из них питается продуктами хорошо знакомой российскому читателю марксистской школы. Ее постулаты просты и ясны. Всегда существуют такие важные (с точки зрения общества) ресурсы для удовлетворения человеческих потребностей, которые оказываются в избытке у одних групп и крайне дефицитны для других. Универсальным средством управления распределением таких ресурсов является власть. Та властная группа хороша, которая умеет "справедливо" распределять дефицитные и жизненно важные ресурсы. Проблема власти решается в конфликтах между теми, кто ее имеет и не хочет терять, и теми, кто ее не имеет, но желает захватить. Таким образом, равновесие в обществе не может быть достигнуто до момента, когда власть перестанет быть предметом борьбы и объектом обладания со стороны всякой группы. Скорее всего, этого не случится никогда.

Второе направление, наоборот, принципиально утверждает не только возможность, но и неизбежность движения в сторону равновесия сил и поиска таких функциональных общественных конструкций, которые направляли бы усилия общества к такому распределению дефицитных ресурсов и средств, которое справедливо с актуальных позиций общества, и к росту объемов и эффективности производства таких ресурсов и средств. Конфликты возможны, даже желательны, но только конструктивные, выводящие на более эффективные траектории развития или обнаруживающие и исправляющие ошибочные траектории.

Теоретические работы первого направления предсказывают нескончаемые деструктивные конфликты в существующем обществе, трагический конец чуть ли не половины мира. Труды второго направления также предсказывали конец актуального капитализма, но конец эволюционный даже в тех случаях, когда авторы относились к рыночной форме хозяйствования с явной и резкой враждебностью.

Практика хозяйствования постоянно находится в поиске, одни эксперименты сменяют другие, развиваются разнообразные теории. Но самые серьезные и имеющие стратегические последствия изменения происходят с главным ресурсом хозяйствования. До сих пор в развитых странах таким ресурсом был капитал в сочетании с трудом. Последний присутствовал в составе главных ресурсов в любой форме хозяйствования, по-видимому, с эпохи развитой Римской империи. Параллельно, иногда обгоняя, а иногда отставая, менялись формы организации межчеловеческих отношений в различных взаимодействиях: родоплеменная, централистская, полицентричная, информационно-сетевая. Причем полицентричная форма дала миру рыночные отношения, которые, как кажется многим, человечество в том или ином виде теперь сохранит навсегда. Однако есть и версия, что возможно развитие и после конца *эпопы*. Но об этом - в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева И. Ю.* Возникновение идеологии информационного общества // Распределенная конференция "Технологии информационного общества 98 - Россия" (<http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>).
- Бродель Ф.* Время мира // *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3 т. Т. 3. М., 1992.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Иноземцев В. Л.* За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998.
- Иноземцев В.* Расколота цивилизация. М., 1999.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002.
- Шабанова М. А.* Социэкономика: от парадигмы к новой науке // *Общественные науки и современность.* 2006. N 1.
- Ajay Singh Information Warfare: Organisational Paradigm // *Strategic Analysis.* Delhi, 1998. Vol. 21. N 10.
- Beck U.* La fin du neoliberalisme // *Le Monde.* 2001. 9 novembre (<http://www.homme-moderne.org/societe/socio/ubeck/iinneo.htm>).
- Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York, 1973.
- Caton H.* The Preindustrial Economics of Adam Smith // *Journal of Economic History.* 1985. Vol. 45.
- Colander D.* The Complexity Revolution and the Future of Economics // *Middlebury College Economics Discussion Paper.* 2003. N 03 - 19. August // <http://www.middleburv.edu/NR/rdonlyres/EB8B7C47 - 972D-4BF9 - 8940-FE848A5D2811/0/0319.pdf>.
- Fine B.* Economics Imperialism and Intellectual Progress: The Present as History of Economic Thought? // <http://hetsa.fec.anu.edu.au/review/ejournal/pdf/32-A-2.pdf>.
- Lerda S., Scharin H.* Is Life More than Just an Exercise of Constrained Optimization? A Short Review of the Literature on Economic Imperialism // [http://www.beijer.kva.se/Staff/Sandra/Economic%20Imperialism%20final%20version .pdf](http://www.beijer.kva.se/Staff/Sandra/Economic%20Imperialism%20final%20version.pdf).
- Mattei U.* The Rise and Fall of Law and Economics. An Essay for Judge Guido Calabres // <http://www.jus.unitn.it/dsg/ricerche /dottorati/materiali/mattei04.pdf>.
- Pratchett T.* Feet of Clay. New York, 1996.
- Smikun E.* Timeless Moral Imperatives in Causal Analysis of Social Functioning // <http://www.sociology.org/content/vol005.001/smikun.html>.
- Stigler G.S.* The Economist as Preacher and Other Essays. Chicago, 1982.